

Ирина Михайловна Комарова
Плохо быть бестолковой
Серия «Опасные удовольствия»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6451765
Плохо быть бестолковой: Центрполиграф; М.; 2014
ISBN 978-5-227-04864-6

Аннотация

Дело, с которым Мэри Безрукова обратилась в детективное агентство «Шиповник», показалось Маргарите совершенно пустяковым. Требовалось найти молодого человека по имени Роман, с которым клиентка пару раз встречалась в ночном клубе «Знойный вечер». Сотрудники агентства даже немного посудачили между собой о той категории нынешних девушек из обеспеченных семей, которые желают получать все немедленно и сразу, но настолько бестолковы, что не могут сами решить ни одной тривиальной житейской проблемы. Рита, однако, не предполагала, какими опасностями обернется скучная задача отыскать в большом городе незнакомого мужчину...

Ирина Михайловна Комарова

Плохо быть бестолковой

Вы никогда не задумывались над тем, насколько непредсказуема наша жизнь? Всего два года назад я была учителем математики в старших классах. Хорошим, кстати, учителем – дети меня любили, родители уважали, а администрация ценила. Ценила до тех пор, пока я не заинтересовалась финансовыми махинациями нашей директрисы. Теперь я понимаю, что проявила щенячью наивность, когда явилась к ней в кабинет и пригрозила милицией. Через два часа я вылетела с работы с таким треском, что долго не могла опомниться.

Первое время мне казалось, что мир рухнул – я просто не знала, что делать и как жить дальше. А потом случился новый, неожиданный поворот. Настолько неожиданный, что мама моя до сих пор не может смириться – даже в страшном сне ей не привиделось бы, что старшая дочь, педагог по призванию, начнет карьеру частного сыщика.

К детективному агентству «Шиповник» я прибилась случайно – просто оказалась в нужное время в нужном месте. Или наоборот, не в то время и не в том месте? В занесенном снегом, отрезанном от мира доме, когда милая рождественская вечеринка превратилась в фильм ужасов, мне было по-настоящему страшно. Но именно там я познакомилась с Александром Сергеевичем Бариновым, руководителем «Шиповника». Александр Сергеевич сделал мне предложение, от которого трудно было отказаться, и я, Рита Рощина, стала младшим оперативным сотрудником частного детективного агентства.

«Шиповник» – агентство небольшое, нас всего четверо. Александр Сергеевич, «наше все», осуществляет мудрое руководство. Старший оперативник Гоша, мой товарищ и наставник, занимается собственно сыскной работой, параллельно обучая меня. И Ниночка – добрый ангел нашего агентства, фея и волшебница. Она ведет всю бумажную работу, на ней отдел кадров и бухгалтерия, а также база данных, которая по своей полноте не уступает базе областного управления.

Еще раз скажу: мы небольшое агентство. Миллиардеров среди наших клиентов нет, государственно важными делами мы не занимаемся, и раскрывать международные шпионские заговоры нам тоже не случалось. В «Шиповник» приходят обычные люди, с обычными проблемами. И мы, по мере сил и возможностей, стараемся эти проблемы решать.

Оказалось, что работа детектива затягивает не меньше, чем работа учителя. И хотя мама еще не потеряла надежду вернуть меня на благородную педагогическую стезю, я все реже вспоминаю о школе. У меня теперь новые друзья и новая, хоть и суматошная, но очень интересная жизнь. Жизнь, которую я совсем не хочу менять.

Я сидела за столом и трудолюбиво стучала по клавишам нашего с Гошкой персонального ноутбука. Ниночка отказалась принимать отчеты в рукописном виде, и фирма роскошнулась на лэптоп для оперативного отдела.

Отчет, над которым я трудилась, завершал двухнедельную беготню – именно две недели я занималась жутко породистым котом особой персидской разновидности, которого две кошатницы-заводчицы не могли поделить. До сих пор не понимаю, почему Сан Сергеич согласился взять это дело. Деньги светили не особенно большие, а суеты и нервовотрепки ожидалось много.

Одна из этих заводчиц была владелицей кота с царским именем Соломон, по всем документам и, так сказать, «по праву рождения». Но поскольку котик родился слабеньким и никаких надежд в плане окупаемости не подавал, дама подарила его подруге, которая давно мечтала именно о таком персе – с идеально плоской мордочкой и редкого, ценимого знатоками окраса.

Мои представления о таких тонкостях, как окрас, не выходят за пределы обывательских. К кошкам я отношусь хорошо: с удовольствием подержу на коленях пушистое мурлыкающее существо, поглажу его и почешу за ушком, но окрас? Кошки бывают черные, серые, рыжие и пестрые – по-моему, этого вполне достаточно. А про Соломона мне с гордостью поведали, что он сил-силвер-линкс-пойнт! Я это не сразу запомнила, пришлось в блокнот записать, чтобы выговаривать правильно и не сбиваться. Кошатники, наверное, уже поняли, как перс выглядел, а для остальных я объясню. Окрас сил-силвер-линкс-пойнт означает, что котик весь нежно кремовый, при этом хвост у него – в серебристую полоску, а на мордочке подведенные серебристым глаза. Выглядит очень красиво, я подтверждаю.

Даму, ставшую фактической владелицей Соломона, болезненность нового подопечного не пугала, и она не собиралась позволить котику тихо скончаться. Денег новая хозяйка не жалела, сил и времени тоже. Были привлечены лучшие врачи – светила по кошачьим болезням. Подбодренные щедрой оплатой, они устраивали консилиумы и рисовали сложные схемы лечения, а дама, с помощью мужа и двоих сыновей, воплощала эти схемы в жизнь.

Одно такое светило призналось мне, что на благополучный исход никто, в общем-то, не рассчитывал, уж очень серьезные болезни угнездились в маленьком хилом тельце перса. Но котенок оказался упрямым и очень хотел жить. Почувствовав поддержку, он начал медленно выкарабкиваться.

Владелица де-юре о своем подарке не вспоминала и судьбой его не интересовалась. Поэтому она была немало удивлена, когда владелица де-факто явилась к ней за документами на кота. Дескать, Соломон уже подросток, пора начинать выполнять возложенные на него природой обязанности, то есть приступать к производству новых поколений таких же породистых персов. А для этого необходима оформленная по всем правилам родословная.

Дама, которая в свое время так удачно избавилась от полудохлого заморыша, пожелала взглянуть на будущего производителя. Гордая хозяйка де-факто охотно пригласила ее домой и продемонстрировала роскошного, пышущего здоровьем котяру.

И тут разразился скандал. Владелица де-юре, полюбовавшись холеным персом, сообщила, что красавец Соломон по всем документам принадлежит ей, и прежние договоренности о дарении из ее памяти мгновенно выветрились. Теперь она была уверена, что передала ценного котенка подруге на «кормление», с тем чтобы по достижении соответствующего возраста будущий производитель вернулся в родные стены. Все это дама тут же сообщила потерявшей дар речи подруге, затем в изысканных выражениях объявила ей благодарность за хороший уход и предложила немедленно вернуть перса.

Хозяйка де-факто увидела, что соперница с сил-силвер-линкс-пойнт сокровищем в руках подходит к дверям, очнувшись, отобрала кота и в гораздо менее изысканных выражениях посоветовала выметаться из квартиры, забыть про перса и по-хорошему отдать документы. Владелица де-юре поджала губы и, все еще стараясь сохранять вежливость, напомнила, что по закону Соломон принадлежит ей, после чего сделала еще одну попытку вернуть пушистую собственность. Хозяйка де-факто ответила непечатно и кота не отдала. Дамы обменивались оскорблениями и тянули несчастное животное каждая к себе, а Соломон возмущенно орал. Неизвестно, чем бы это все закончилось, но в прихожую вышел муж хозяйки де-факто: женские крики он еще мог игнорировать, но вопли кота подняли его с дивана. Недовольный мужчина быстро разобрался в ситуации и навел порядок: притязания владелицы де-юре были названы нахальной наглостью, а самой ей было предложено удалиться и никогда больше не показываться на этом пороге. Соломон перебрался на руки своего защитника и громко мурлыкал, выражая полное одобрение.

Хозяйка де-юре удалилась стиснув зубы, и конфликт перешел в стадию позиционной войны, перемежающейся короткими вылазками в стан противника.

Клуб любителей кошек был засыпан жалобами, которые обе стороны строчили с небывалой быстротой и фантазией. Кроме того, заинтересованные лица несколько раз воровали друг у друга перса и прятали на дачах знакомых. В последний раз владелица де-юре похитила и спрятала кота настолько удачно, что измученная хозяйка де-факто обратилась в «Шиповник». Она уже не настаивала на родословной и прочих кошачьих документах, она хотела только одного – чтобы бывшая подруга и благодетельница оставила их в покое и больше на котика не претендовала. На взгляд шефа, вся эта история напоминала детскую свару в песочнице из-за совочка и ведерка. Мое деликатное замечание о том, что цена детских игрушек и заявленная стоимость перса (даже без упоминания суммы предполагаемых доходов от его деятельности в качестве производителя) несопоставимы, Сан Сергеич посчитал не имеющим существенного значения. Мое несвоевременное выступление имело только один результат – искать Соломона и решать все связанные с ним проблемы было поручено мне. И то верно, такая работа как раз для младшего оперативника – не Гошке же котами заниматься. А кроме того, у меня, как не преминул напомнить любимый начальник, и педагогический опыт имеется.

Он был прав – опыт работы учителем мне здорово помог. Не в поисках кота, разумеется, перса я нашла быстро и без особых проблем. Сложнее было достигнуть мирного соглашения между хозяйками – тут я не только дюжину хитрых педагогических приемов вспомнила, но и институтский курс психологии. Да и учебники по юриспруденции, которые старший напарник регулярно подкладывает на мой стол, чтобы я в них в свободное время заглядывала, тоже пригодились. Не скажу, что это было просто, но компромисс был достигнут. Фактическая владелица спорного сил-силвер-линкс-пойнт перса получила полную кошачью родословную, а бывшая хозяйка – разумную компенсацию.

Я была уверена, что после всех страстей, после ведер помоев, вылитых друг на друга, после обвинений и угроз эти две котозаводчицы даже смотреть друг на друга не смогут. А вот ничего подобного! Договорившись обо всем и обменяв кота на денежные знаки, дамы вновь стали лучшими подругами! Когда я уходила, они сидели рядышком и мирно щебетали, обсуждая свои котозаводческие дела. Все-таки странные существа люди. С котами, пожалуй, как-то понятнее.

Две недели я занималась кошачьими проблемами и с людьми – я имею в виду Гошку, Александра Сергеевича и Нину – общалась только по телефону. Представляете, как я была счастлива вернуться наконец в офис? Даже составление отчета по «кошачьему» делу в родных стенах было почти удовольствием.

Тут к нам и явилась Мария Андреевна Безрукова. Я, как уже было сказано, сочиняла отчет, а Гошка листал папку с фотографиями разыскиваемых преступников и составлял на них словесные портреты – тренировался.

Ниночка приоткрыла дверь и поманила нас пальчиком:

– На клиентку посмотреть хотите?

– А? – Именно в этот момент я запуталась в слишком длинном и слишком сложносочиненном предложении и думала: не разделить ли мне его на четыре, а еще лучше на пять простых, и смысл сообщения нашего секретаря дошел до меня не сразу. А Гошка среагировал мгновенно:

– Клиентка? Очень хорошо! Ритка, шевелись, нельзя заставлять ждать такую милую женщину!

– Милую? – привычно усмехнулась я, выходя из-за стола.

– А как же! – подтвердил напарник. – Я ее еще не вижу, но сердцем чувствую, нас посетила милейшая женщина!

Гошка рассуждает незатейливо: потенциальная клиентка явилась без предварительной договоренности по телефону – значит, она встревожена и хочет побыстрее разобраться со

своими проблемами. Следовательно, она готова расстаться со значительной суммой денег, оплатив наши услуги. А женщина, готовая платить, по Тошкиному разумению, не может не считаться милейшей.

Правда, когда мы вошли в кабинет шефа и скромно устроились на привычных местах, напарник не смог скрыть удивления. Я, впрочем, тоже. Как правило, нашими клиентами являются граждане, скажем так, перешагнувшие рубеж тридцатилетия. К нам приходят серьезные взрослые люди с серьезными взрослыми проблемами. Расценки у нас, кстати, тоже далеко не детские – сумму, которую мы берем за неделю работы, на мороженом и газировке не сэкономишь. А сейчас в комфортном клиентском кресле расположилась молоденькая, очень молоденькая девушка. Школу она, пожалуй, уже закончила, но назвать ее взрослой язык не поворачивался. И с какой же, интересно, печалью она к нам заявила? Любимую куклу потеряла? Я не утверждаю, что заранее почувствовала недоброе, но девица с первого взгляда мне не понравилась.

Вы скажете, что нельзя демонстрировать такое неприязненное отношение к клиентам. Правильно, нельзя. Я и не демонстрировала, смотрела вполне доброжелательно, даже сочувственно, а когда она начала говорить, кивала в нужных местах. Но... не то чтобы я ей не верила, просто... не знаю, как объяснить. Не понравилась она мне, и все!

При этом внешне барышня выглядела очень симпатично. Сейчас попробую дать ее словесный портрет, Гошка ведь не только сам тренируется, но и меня регулярно натаскивает. Значит, так: пол – женский, возраст – от семнадцати до двадцати двух лет, рост – около ста восьмидесяти сантиметров, телосложение – худощавое. Голова – средняя (для тех, кто не знает: средней считается голова, равная одной седьмой роста человека), волосы светлые, длинные (опять же для тех, кто не знает: длинными у женщины считаются волосы свыше тридцати сантиметров), прямые, окрашенные. Лицо – форма овальная, в профиль прямое, худое, скулы выступающие...

Нет, как-то нехорошо получается. Давайте лучше сделаем так: представьте себе Наоми Кэмпбелл, когда ей было двадцать лет. Представили? Теперь сделайте ее белокожей блондинкой и получите примерно то, что я пытаюсь описать – очень красивую, с выразительным лицом и безупречной фигурой, лучшего модельного образца, девушку. Но для меня все внешние достоинства перечеркивались капризностью и легкомысленностью, которые были видны невооруженным глазом.

Гошка, впрочем, на эти мелочи внимания не обратил. Он окинул быстрым, оценивающим взглядом курточку, джинсы и сапожки нашей гостьи и жизнерадостно заулыбался. Я еле заметно пожала плечами. Да, одежда явно не с губернского рынка, но и не от Кристиана Диора лично. Стильно, конечно, и дорого, но не запредельно – о материальных возможностях клиентки ее одежда еще ничего не говорит. А вот серьги... Я незаметно присмотрелась и сама с собой согласилась – да, это серьезно. Я не крупный специалист в области ювелирных изделий, но золотые сережки в форме анютиных глазок, усыпанные крохотными капельками бриллиантовой росы, явно не были обыденной штамповкой. Хм, может, и напарник вовсе не на одежду, а на серьги барышни разулыбался?

Александр Сергеевич тем временем коротко представил нас и указал на девушку:

– Мария Андреевна Безрукова, просила называть ее просто Мэри.

Мэри? Я удивилась, но промолчала. Надо же, какие у нас замашки импортные! Машей быть, значит, мы не желаем.

– Мэри? – бестактно хохотнул Гошка.

Ему можно, он у нас чемпион по толстокожести. Любому человеку сразу понятно, что обижаться на эти два метра веселого обаяния абсолютно бессмысленно.

– Я окончила английскую спецшколу. – Белокурое создание и не обиделось. – Мы там привыкли так – Сэнди, Мэри, Айрин...

– Мэри – это очень красиво, – заверил Гошка, поднимаясь и целуя барышне ручку. – Мне нравится.

Шеф бросил на него хмурый взгляд, и напарник мгновенно вернулся на место. А Баринов, приструнив старшего оперативного сотрудника, обратился к Мэри:

– В чем ваша проблема?

– У меня очень важное дело. Я хочу найти одного человека. – Девушка свела старательно прорисованные бровки, изображая предельную серьезность, но мне показалась, что в душе она потешается. Над нами? Над собой? Или над тем человеком, которого хочет отыскать? – Я готова заплатить, это для меня не проблема. Тысяча долларов вас устроит?

– Сумму я бы предпочел пока не обсуждать...

– Но вы же делаете такие вещи, правда? В смысле, людей ищете?

– Делаем, – ровным голосом согласился шеф. Интересно, почему мне кажется, что он тоже не в восторге от этой клиентки? – Но хотелось бы знать подробности. Это преступник?

– Что вы, конечно нет! Зачем бы мне понадобился преступник? Нет, это просто парень, его зовут Рома, и он... он очень хороший.

Мэри посмотрела на Баринова, потом на меня и задержала взгляд на Гошке. Поняла, что сказанного недостаточно, и продолжила:

– На самом деле я мало что про него знаю. Мы познакомились месяц назад в «Знойном вечере» – это клуб такой, вы, наверное, слышали про него.

Я машинально кивнула – слышали, как же. И даже посещали. Именно в «Знойном вечере» я была временным напарником Витьки Кириллова, наше с ним первое дело, наш первый поцелуй... Я осторожно огляделась по сторонам. Кажется, никто не заметил, что я ненадолго отвлеклась.

– Поболтали, потанцевали, – Мэри продолжала излагать свою историю, – ну, вы понимаете. Рома мне понравился. Он очень симпатичный, правда! Но в тот вечер он исчез как-то неожиданно, даже не предложил проводить. А через неделю мы снова встретились, и тут уже... нет, ничего такого не было. В баре выпили немного, потом поцеловались пару раз. – Она осторожно покосилась на Гошку и уточнила: – Ну, может, и не пару. Это не важно. Главное, он меня домой отвез и все так хорошо было! И вроде мы договорились снова встретиться, а он исчез. Я уже два раза в этом «Знойном вечере» была, а Ромки нет!

– Позвонили бы ему, – предложил шеф.

– Я номера не знаю. – Девушка потупилась. – Он у меня телефон не спросил, и я у него тоже... как-то к слову не пришлось.

– Можно в клубе для него сообщение оставить. Появится же он там когда-нибудь.

– А если нет? – весело возразила она. – И вообще, я хочу разобраться, что он себе думает? Я ведь ему понравилась, правда, он мне сам сказал!

– Хорошо, допустим. Но почему сразу к нам? Вы могли поспрашивать там, в клубе, у своих знакомых...

– Да не у кого мне там спрашивать, – досадливо отмахнулась Мэри. – Я там раз в сто лет бывала, только из-за Ромки вот стала ходить. И знакомых у меня там нет. У бармена попробовала узнать, но он Рому не вспомнил. Он и меня не вспомнил, о чем говорить! У охранника спросила, так он тоже ничего не сказал, зато сам у меня выспрашивать начал – кто я такая да зачем мне Рома нужен. В общем, я решила, что проще к знающим людям обратиться, которые умеют и спрашивать, и искать. – Она сделала короткую паузу и многозначительно добавила: – У вашего агентства хорошая репутация.

– Хорошая, – без энтузиазма согласился шеф. – И спрашивать мы умеем, и как искать знаем. Но пока у нас слишком мало информации. Что-нибудь еще вы нам можете об этом человеке сообщить?

– Конечно! Что ж я, не понимаю, что ли! Во-первых, мне кажется, что он работает программистом.

– Кажется?

– Ну, так конкретно мы об этом не говорили, но вроде он упоминал что-то такое. Но главное, я примерно знаю, где он живет.

– Насколько примерно? – оживился заскукавший было Гошка. – Отыскать в нашем городе Рому-программиста, зная о нем только то, что он уже две недели не показывается в ночном клубе «Знойный вечер», – это нереально, сами понимаете. А вот если в деле появляется еще и домашний адрес, то почему бы и не попробовать?

– Дом знаю. Примерно. Когда Рома меня домой повез, он попросил таксиста сначала заехать на угол Ломоносова и Электронной.

– Куда? – не сдержалась я.

– Угол Ломоносова и Электронной, – явно гордясь собой, повторила Мэри. – Я хорошо запомнила, потому что таксист спорить стал, говорил, что крюк большой делать надо, и вообще не хотел в тот район ехать.

Я была согласна с таксистом. Хотя «Знойный вечер» тоже далеко не в центре города расположен и крюк получался не такой большой, но район... скажем так, не самый благополучный в городе.

– Но Ромка его уговорил, и мы поехали. Рома сказал, ему нужно что-то дома взять, выскочил и побежал. Я не видела, куда он пошел, темно уже было. Может, в первый дом от угла, а может, во второй.

– Или через дорогу перешел, – печально предположила я. Кому будет поручен обход квартир в домах, расположившихся на углу улиц Ломоносова и Электронной, я не сомневалась ни секунды. Обожаю звонить в чужие двери и спрашивать у хозяев, не живет ли там некий Рома.

– Может, и перешел, – пожала плечами Мэри. – Темно же было, я говорю. Да еще таксист дурак какой-то попался. Шутить начал – дескать, есть ли у тебя, девушка, деньги на такси? А то парень твой, похоже, сбежать решил.

– Неприятно, – согласился шеф.

– А то! Ромки и не было-то минут пять всего, а этот таксист уже меня достал! Ромка, между прочим, мне куколку принес, сувенирную. Симпатичная такая, и на меня немного похожа. Нет, я-то думаю, что на самом деле он за деньгами домой бегал, я же не... в общем, я не дура, я все понимаю. Но с куколкой он хорошо придумал, правда?

– Раз вам понравилось, значит, хорошо, – слегка улыбнулся шеф. – Куколка у вас с собой?

– Куколка? Она... нет, она в другой сумочке осталась. Я не подумала, что она может понадобиться. А зачем? Обыкновенная игрушка.

– Возможно. Тем не менее мы хотели бы на нее посмотреть. Вы сможете ее нам привезти? Или, если хотите, Рита к вам...

– Нет-нет, зачем же, – перебила Мэри. – Конечно, я привезу куколку сюда, ничего сложного. Только не сегодня, а завтра, хорошо?

– Договорились. – Шеф аккуратно положил ладони на стол. – А теперь давайте оформим документы.

Мы с Гошкой поднялись и вышли из кабинета. Обсуждение финансовых вопросов и подписание договора – процесс деликатный, лишние глаза и уши тут ни к чему.

Переговоры надолго не затянулись. Я только успела заварить чай, а Мэри уже подписала все бумаги и удалилась, жизнерадостно помахав нам ручкой.

– Веселая девушка, – заметила Нина, проводив ее взглядом. Прозвучало это не то чтобы осуждающе, но неодобрительно.

– У Мэри была овечка, – промурлыкал Гошка, выставляя на Ниночкин стол вазочку с конфетами и печеньем. – А знаете, в этом что-то есть! Давайте тоже на западный манер все переименуемся. Секретарь-референт Нинон, младший оперативник Марго... пусть клиенты чувствуют, что мы не лаптем щи хлебаем! Кстати, Марго, чего стоишь? Разливай!

– Ничего не получится, Жорж, – сладко улыбнулась я и взялась за чайник. – Сан Сергеич ни за что не согласится, чтобы его Алексом называли.

– Не соглашусь, – подтвердил шеф, протягивая мне кружку. – Я к своему имени-отчеству привык, мне уже поздно переучиваться. Да и с агентством тогда что делать, тоже переименовать? Как ты «Шиповник» переведешь?

– Дог-роуз, – не задержался с ответом Гошка.

– Фу! – Мы с Ниночкой были единоклубны.

– Да, пожалуй, не лучший вариант, – согласился Гошка. Получил свой чай, бросил в рот печенюшку и заключил невнятно: – Значит, оставляем все как было.

– Спасибо, Жорж, – не удержалась я.

– Ритка, я же сказал, от западной дури отказываемся. На Жоржа я не откликаюсь.

– Вот и славно. – Александр Сергеевич любит, когда в «Шиповнике» царит мир и взаимопонимание. – Тогда начинаем совещание.

Обычно после того, как клиент уходит, мы собираемся в кабинете шефа. Но традиции для того и существуют, чтобы время от времени их нарушать. И случается, мы обсуждаем новое дело вот так – в приемной, за чашкой чаю. Впрочем, следующие слова Александра Сергеевича были вполне традиционными:

– Ну, что скажете, молодежь?

Первой, как самая младшая, обычно выступаю я.

– Странная она, эта Мэри. И история, которую она рассказывает, странная. Ну понравился тебе парень, ну пропал на две недели, что ж теперь? Сразу в детективное агентство бежать?

– Привыкла получать то, что хочет, причем сразу, – ответила мне Нина. – То, что барышня балованная и капризная, сразу видно.

– Ну и ладно, пусть балованная, – заступился за Мэри Гошка. – У нас половина клиентов такие. Не, девяносто процентов!

– Такие, – не стала спорить я. – Но, как правило, они чуть постарше.

– Не думаю, что возраст имеет здесь решающее значение, – погасил зарождающуюся дискуссию Александр Сергеевич.

– Хорошо. – Я поболтала ложечкой в чашке и сделала глоток. – Тогда у меня другой вопрос. Вы обратили внимание, что предполагаемый адрес программиста Ромы – угол Электронной и Ломоносова?

– Далековато от центра, – кивнула Ниночка. – Не престижный район.

– Не просто не престижный, это самый конец города. За Ломоносова уже поля начинаются.

– И что? На окраине тоже люди живут, – возразил Гоша. – Почему бы и Роме там не обраться? Или ты против?

– Нет, я не против, просто странно как-то. Девочка из «золотых» и паренек с окраины... что у них может быть общего?

– Как что? – удивилась Нина. – А любовь?

– Большое и светлое чувство! – поддержал ее Гошка. – Неужели никогда не слыхала? Знал я, конечно, что в тебе, Ритка, ни капли романтики, но не до такой же степени!

Я улыбнулась напарнику. За годы работы в школе меня столько раз упрекали в оторванности от реальной жизни и излишнем романтизме, что Гошкины слова были для меня особо изысканным, тонким комплиментом.

– У тебя еще мысли есть? По делу, я имею в виду, – тут же призвал меня к порядку шеф.

– Не понравилась она мне, – коротко сформулировала я основную мысль. – А так... по-моему, нам пропавших возлюбленных искать пока не приходилось.

– Это точно, – усмехнулся Александр Сергеевич. – Мы обычно чем попроще занимаемся – вора там найти или убийцу... Ладно, кто еще хочет высказаться?

– Я с Риткой согласен, – заявил напарник, чем изумил меня безмерно.

Как правило, Гошка не соглашается со мной никогда и ни в чем. По-моему, он считает, что я недостаточно хорошо умею отстаивать свое мнение и, следовательно, нуждаюсь в постоянных тренировках. Если я, допустим, скажу, что Волга впадает в Каспийское море, то Гоша убедительно, с фактами и привлечением мнений известных ученых, докажет, что в Черное. Или в Балтийское.

Пока я растеряннo смотрела на напарника, соображая, не поменять ли мне быстренько мнение, чтобы восстановить привычное равновесие, он продолжил:

– Девочка мутная, и всего нам не рассказала. Но попробовать отыскать этого Ромео можно. Не думаю, что это такая большая проблема. Ритка пробежится по Ломоносова, угол Электронной (ну, что я говорила? Кому квартиры прочесывать?), я потусуюсь в клубе, поговорю с народом... найдем.

– Мэри в клубе уже спрашивала, – из чистой вредности напомнила я. – И ничего не узнала.

– Не сравнивай, пожалуйста! – даже немного обиделся напарник. – Мэри! Представляю, как она спрашивала! Небось соврала глупость какую-нибудь, что парень ей денег должен кучу или что беременна от него. Кто же ей, при таком раскладе, приятеля сдаст?

– Угол Ломоносова и Электронной, – многозначительно напомнила я. – А если этот парень в клубе случайный посетитель и его действительно никто не знает?

– Тогда придется надеяться на твое знаменитое везение, – хлопнул меня по плечу Гошка.

– Хорошо. – Баринoв взял печенье и положил его рядом со своей чашкой. – Рита на поквартирный обход, а Гоша в клуб. До вечера, думаю, управитесь. Нина, ты уже посмотрела, что есть на Безрукову?

– Немного. Барышня из обеспеченной семьи, отец владеет сетью тренажерных залов, у матери свой бизнес – цветочный магазин. Мэри у них единственная дочка. Студентка, учится в университете, на факультете организации туристического бизнеса.

– На платном отделении, надо понимать? – язвительно уточнила я.

– Там бюджетников вообще нет, весь факультет платный.

– Теперь мне понятно, почему у нас турфирмы одна за другой в трубу вылетают.

– Я тебя умоляю! – отмахнулась Нина. – Неужели ты думаешь, что кто-то из этих барышень потом идет работать по специальности? Кроме тех, у кого родители в этом бизнесе, разумеется.

– Почему бы и нет? Работа неплохая.

– Что в ней хорошего? – Гоше надоело молчать, и он решил поучаствовать в разговоре. – Беготня, суeta, клиенты, как правило, идиоты, рабочий день ненормированный...

– Что-то мне это напоминает, – задумчиво уставилась в потолок Нина.

– А я и не говорил, что у нас хорошая работа! Просто я ничего другого делать не умею.

– Суeta, идиоты и ненормированный рабочий день – это и на школу очень похоже, – утешила его я. – И врачи про свою работу, наверное, то же самое скажут.

– По Безруковой, пожалуйста, – напомнил Баринoв.

– Больше ничего нет. – Ниночка виновато развела руками. – Я ее сфотографировала потихоньку, чтобы Гошке в клубе легче было разговаривать. А так... в криминале никто из семьи не завязан, по нашим базам не проходят.

– За фото спасибо тебе большое! – обрадовался Гошка. – Но какова девочка! У всей семьи полное отсутствие проблем, так она себе умудряется персональную головную боль найти. А я всегда говорю: плохо быть бестолковой!

– И капризной, – дополнила Ниночка.

Собственно, на этом наши посиделки и закончились. Чай выпит, информация обсуждена, задания получены – пора и за работу браться. В частности, мне – отправляться на поквартирный обход. Не очень я люблю это занятие, но, с другой стороны, несколько часов общения с нормальными людьми будет приятным разнообразием. За две недели мне здорово надоели владелицы персидских котов с их непрерывными разборками.

Я оставила на столе недописанный отчет (Александр Сергеевич позволил закончить его потом, в свободное время) и отправилась на край города прочесывать квартиры в поисках Ромы-программиста. Жаль, конечно, что фотографии его нет, но ничего страшного, обойдемся и без портрета, не впервой. Тем более что в этом районе небоскребов нет – в основном стоят старые пятиэтажные хрущевки. Гошка прав – пробежаться здесь по лестницам, задавая вопросы, это почти прогулка. Эх, если бы я знала, чем для меня эта прогулка обернется!

Дорога не заняла много времени. Я припарковала машину на обочине и направилась к угловому дому, выходящему на улицу Ломоносова. Дому номер восемьдесят семь, если кому интересно. План у меня был – проще некуда. Мэри сказала – первый или второй дом от угла. Очень хорошо. Сначала я проверю четыре ближние к этому углу пятиэтажки, а потом сделаю круг побольше, обойду и вторые дома. Думаю, что в последнем (в лучшем случае в предпоследнем) и обнаружится наш молодой человек. Такое уж мое счастье – что бы я ни искала, я всегда умудряюсь начать с самой дальней точки. И почему Гошка все время твердит, что я везучая?

Поквартирный обход – дело не слишком увлекательное. Чаще всего, если дверь и открывалась, меня коротко заверяли, что «никакого Ромы здесь нет и не было никогда». Изредка кто-нибудь проявлял желание побеседовать. В третьем подъезде третьего по счету дома словоохотливая старушка снабдила меня полной информацией обо всех соседях. По ее словам, один Рома на пятом этаже имелся, но было ему всего семь лет от роду. Что же касается других подъездов, милая женщина виновато развела руками:

– Я там мало кого знаю. Уж извини, дочка.

Разумеется, я все равно пробежалась по этажам, но больше по привычке – если уж берешься за дело, то выполнять его нужно добросовестно. Старушка не обманула, кроме семилетнего мальчика, других Романов мне не предложили. Ничуть не расстроенная (я и не ожидала, что наткнусь на парня в самом начале обхода) я перешла в четвертый подъезд. И снова четкий, отработанный порядок действий: палец на кнопке звонка, вежливая улыбка, вежливый вопрос и вежливое «спасибо большое, извините за беспокойство».

На третьем этаже привычный ритм нарушился. Я едва успела поднять руку к звонку, как обитая тонкими рейками дверь распахнулась.

– Ой! – Я отдернула руку и сделала короткий шаг назад.

Высокий худой парень в синей куртке явно не ожидал никого увидеть на своем пороге. Он замер и тупо уставился на меня. Я тут же нацепила привычно-вежливую улыбку.

– Здравствуйте.

Парень улыбаться в ответ не стал. Он моргнул и спросил, не скрывая недоумения:

– Тебе чего?

Я заученно объяснила, что ищу молодого человека по имени Роман, который живет где-то в этом доме... Парень, хотя и подходил по возрасту, явно не мог растопить сердце красотки Мэри, поэтому я отбарабанила свой текст формально. Не было никаких сомнений, что сейчас я получу отрицательный ответ, вежливо распрощаюсь и отправлюсь дальше.

– Роман? – Недоумение в его взгляде сменилось подозрительностью. – А зачем тебе Роман?

Теперь удивилась я. Неужели мне удалось вот так, почти сразу, не проверив и половины запланированных домов, найти нужного человека? Да не бывает такого!

Наверное, из-за этой глупой растерянности я начала путано объяснять, что ищу Романа по поручению, что я частный детектив...

– Сыщица? – почти сразу перебил меня парень и как-то странно дернул головой, словно хотел оглянуться, но в последний момент передумал.

Люди сейчас слишком много смотрят боевики, вот что я вам скажу! И представляют себе частных сыщиков исключительно как героев фильмов. А я, сами понимаете, от Сталлоне или Сигала заметно отличаюсь.

– Детективное агентство «Шиповник». – Я достала удостоверение. Не могу сказать, что вид коричневых корочек обрадовал парня, скорее вызвал отвращение. Увы, я не обратила на это внимания и, убрав документы в сумочку, продолжила: – Я хочу поговорить с Романом по поводу одной его знакомой...

И снова он не дал мне договорить. Неожиданно оскалился, очевидно пытаясь продемонстрировать дружескую улыбку, и сделал шаг назад, в квартиру:

– Да что мы тут стоим? Заходи!

– Но мне нужен Роман. – Я машинально двинулась за ним, но остановилась на пороге.

– Заходи, не стесняйся. – Теперь улыбка парня выглядела гораздо более естественной. Он протянул было ко мне руку, но, мгновенно передумав, спрятал ее за спину. – Ромка там, в комнате.

Если бы он попытался взять меня за плечо, как намеревался, я бы попятилась и осталась на лестничной клетке. Но он убрал руку, и я, хотя и не без колебаний, вошла в квартиру.

Дверь за мной захлопнулась сама, и это последнее, что я помню. Судя по всему, за этой проклятой дверью меня кто-то ждал, причем не с пустыми руками. Сомневаюсь, что неизвестный негодяй сумел бы так качественно вырубить меня простым ударом кулака – скорее всего, было использовано какое-то подручное средство, дубинка или кастет.

Первая мысль, когда я очнулась, была: «Мамочка моя, как голова болит!» А вторая: «Гошка меня убьет». Наиболее уместный в данной ситуации вопрос: «Где я?» – пришел третьим. С некоторым усилием я открыла глаза и попробовала осмотреться. Увы, как только я пошевелилась, на меня накатилась такая волна боли и тошноты, что я опять потеряла сознание.

Когда я снова пришла в себя, первой мыслью было: «Гошка меня убьет», – и только потом: «Ох, голова моя, голова!» Приятное разнообразие. Вопрос «Где я?» по-прежнему шел третьим номером. И теперь у меня было достаточно сил, чтобы попытаться на него ответить.

Меня все еще мутило, но чувствовала я себя заметно лучше. Осторожно повернула голову направо и едва не уткнулась в дверцу холодильника. Плавным движением повернулась налево – надо мной уходят вверх ножки кухонного стола. Понятно. Я лежу на полу, на кухне... и, скорее всего, именно в той квартире, в которую меня пригласил парень в синей куртке. В пространстве я определилась, уже хорошо. Теперь еще понять бы, что произошло?

Я попробовала сесть и только тогда поняла, что связана. Бред какой-то! Никаких поводов для нападения я не давала. Банальный поквартирный обход – я представилась, потом спросила о молодом человеке по имени Роман. Точнее, сначала спросила про Романа, потом представилась... и сразу после этого получила приглашение зайти в квартиру и удар по затылку. И как все это можно увязать? Если я действительно нашла дружков возлюбленного нашей клиентки, то в какие же неприятности этот юный Ромео ввязался? А если это случайные, посторонние люди, то зачем я им понадобилась? И почему они заманивали меня в квартиру, обещая встречу с Романом? Нич-ч-чего не понимаю!

Мое внимание привлёк негромкий разговор в соседней комнате.

– Паш, он хоть говорил, когда вернется? – спрашивал молодой и нервный голос. Именно его я слышала перед тем, как потерять сознание. – Там всех дел на три копейки, где его носит до сих пор?

– Расслабься, Санек, – посоветовал незнакомый бас. – Бери пример с девчонки: лежит тихо, ногами не сучит.

– Еще бы ей тихо не лежать, ты ее так отоварил! Но что теперь делать будем, Паша?! Черт, откуда она только взялась, зараза!

– Костя придет, решим.

– Когда он придет, тот Костя! – взвизгнул мой знакомый, Санек. – А если ее искать начнут?

– Пусть. – Паша был по-прежнему спокоен. – Ты ее разве видел? Я – нет.

Ситуация начинает проясняться. По крайней мере, я теперь имею основание предположить, что в квартире, кроме меня, двое мужчин: Санек, с которым я уже имела сомнительное счастье общаться, и Паша, обладатель густого баса. И теперь я точно знаю, что именно Паша поджидал меня за дверью. Что ж, надеюсь, он еще повернется ко мне спиной, чтобы я смогла отплатить любезностью за любезность. Кроме того, оба они, и Паша и Санек, ждут третьего, некоего Костю, который и должен будет решить, что со мной теперь делать.

М-да, информация, конечно, интересная, но какая-то невнятная. А главное, у меня есть подозрение, что, когда Костя появится, мне очень не понравится способ, которым он предложит разрешить возникшую в моем лице проблему. Значит, пора начинать шевелиться, чтобы в дальнейшем иметь возможность играть по своим правилам.

Я немного поерзала, определяя границы подвижности и способность шевелить пальцами. Связали меня на совесть, старательно, и веревки явно не пожалели. Но не профессионально – некоторая свобода движения все-таки осталась. И если я перекачусь на левый бок... так, хорошо, теперь изогнуться, немного вывернуть руки и пошарить в районе талии... оп-па!

Одной из первых вещей, которую подарил мне Гошка, мой напарник и старший товарищ, был специальный пояс, незаметный под одеждой и хранящий массу полезных мелочей. Например, там есть тонкая пилочка такой хитрой формы, что ее очень удобно использовать, когда руки связаны. Для чего использовать, я думаю объяснять не нужно – резать ту самую веревку, которой связаны руки.

Я нащупала кармашек с пилкой и проверила, могу ли ее достать. Оказалось – легко! Хорошо, теперь надо продумать свои дальнейшие действия. Перепилить веревку сейчас? Заманчиво, но вряд ли мне позволят спокойно заняться этим делом. Наверняка Паша или Санек скоро заглянут проверить, чем я тут занимаюсь. Да и Костя, как я поняла, вот-вот должен подойти – он тоже захочет на меня посмотреть. А связали меня, как я уже упоминала, на совесть: освободить руки одним движением пилки не удастся.

Значит, имеет смысл пока полежать тихо, послушать разговоры и подождать более удобного для избавления от веревки времени. Вот только когда оно наступит, более удобное время? И наступит ли? Кто знает, какие глупости могут прийти в голову этому Косте, когда он наконец явится и узнает, что приятели приготовили ему меня в качестве сюрприза? Пожалуй, стоит немного поработать, подпилить веревку: слегка, чтобы на первый взгляд было незаметно.

Хорошо бы подать сигнал Гошке, сообщить, в какую передрыгу я попала, – только каким образом это сделать? Или не нужно никаких сигналов? Зачем торопиться, зачем нервировать напарника? Тем более пока я понятия не имею, что происходит.

Впрочем, если в ближайшие два часа Гошка не получит от меня никаких сообщений, он заподозрит неладное. Я, конечно, уже больше года работаю самостоятельно, но все равно

остаюсь «младшенькой», и напарник требует, чтобы я регулярно ему отзванивалась. И что это в нашей ситуации означает? Что Гошка позвонит мне сам. Я, естественно, не отвечу. Район, где я должна находиться, ему известен, следовательно, Гошка явится сюда и учинит в поисках меня разгром и беспредел – мой старший товарищ очень не любит, когда кто-то, скажем так, некорректно обращается с его ученицей. А подобное нападение он сочтет оскорбительным выпадом против себя лично. И не завидую я этим ребятам, когда напарник до них доберется. Себе я тоже не завидую – как только Гошка закончит с похитителями, он займется мной.

Подставить затылок под удар – это, с его точки зрения, верх непрофессионализма. Чему, спросит Гоша, он учил меня столько времени? На что тратил свои молодые годы? Ответам на эти вопросы будут посвящены ближайшие две недели плюс дополнительные тренировки плюс общефизическая подготовка... Пожалуй, имеет смысл поднапрячься и постараться справиться с ситуацией самостоятельно. Причем желательно сделать это в ближайший час, максимум два, чтобы успеть позвонить Гошке и отменить «боевую тревогу».

Мои размышления прервал звонок в дверь. Я вздрогнула и едва не уронила пилку. Надо же так задуматься – чуть не перепилила веревку! Ничего, пилочку мы сейчас в кармашек на поясе спрячем, вот так, а разлохматившуюся часть веревки в кулаках сожжем, да покрепче! Никто и не догадается, что мои руки почти свободны.

Пока я возилась, Санек (довольно бестолковый, по-моему, парень) попытался изложить новопривывшему последние новости:

– Костя, слышь, тут такое дело... ты чё так долго-то? Тут понимаешь, телка такая...

– Какая еще телка? Нам сейчас не до них, – откликнулся незнакомый голос. Костя, которого все мы так ждали. Хм.

– Да ты не понял, блин, это не просто телка! Паша ее, конечно, сразу, того... в общем, она на кухне лежит...

– С ума сошли! – зло рявкнул Костя. За стенкой процокали каблучки, подбитые металлическими подковками, и дверь, до сих пор слегка приоткрытая, распахнулась. Но я успела снова закрыть глаза и расслабиться. Я ведь все еще лежу без чувств и никаких криков не слышу, разве не понятно?

– Двух дней без бабы обойтись не можете? – прогремело над моей головой. – Зачем вы ее сюда-то притащили?

– Не пыли, Костя, – примирительно прогудел Паша. – Она сама пришла. Санек за сигаретами выскочил, открыл дверь, а она на пороге. Будто дожидалась.

– Может, и дожидалась, – обиженно вякнул Санек. – Сыщица.

– В каком смысле сыщица?

Ах, как жаль, что я лежу без сознания с закрытыми глазами, очень уж хочется посмотреть сейчас на физиономию этого сердитого Кости.

– На столе сумка, посмотри, – снова подал голос Паша. – Там удостоверение.

Снова топот – я по-прежнему не шевелюсь и не дышу, только слушаю:

– Черт! Фотография, точно ее! «Шиповник» какой-то еще на нашу голову! Как они на нас вышли?

– Да ни хрена непонятно, Костя. – Саня говорил обиженно, словно жаловался на меня. – Пришла и начала туфту какую-то гнать.

– Что она говорила?

– Да ничего толкового! Спрашивала Романа какого-то.

– Зачем вы ей вообще дверь открыли? Я велел тихо сидеть!

– Так мы не открывали! Я за сигаретами выскочил...

– А без сигарет нельзя было потерпеть?

– Нельзя, – коротко и веско ответил Паша.

Несколько мгновений полной тишины (жаль, что для меня это только радиопьеса, что я ничего не вижу!), и Костя уже чуть спокойнее говорит:

– У тебя же есть.

– Санек сбегал, купил.

– Все-таки сбегал! – сплюнул Костя. – Мало вам... Ладно, что эта девка у нашей двери делала?

– А мы знаем? – снова занял Санек. – Караулила, наверное, под дверью, войти хотела. А может, подслушивала. Я, как дверь открыл, прямо налетел на нее! А она сразу начала про какого-то Романа спрашивать...

– Про какого еще Романа?

– Вроде живет где-то в этом доме, я не понял. Но главное, она сказала, что сыщица, и корочками махать начала. Вот тут мне и поплохело, конкретно. Хорошо, Пашка сообразил, что делать, дал знак впустить ее. А как только она вошла, шандарахнул по башке.

– А как она про нас узнала? Что хотела? Зачем пришла? Вы что, вообще у нее ничего не спросили?

– Как спрашивать, блин? Пашка как вырубил ее, так она и валяется.

Несколько мгновений тишины, потом Костя уточнил:

– А ты ее не убил?

Скрип дивана, неторопливые тяжелые шаги, кто-то присаживается рядом со мной на корточки. Табачный дым прямо в лицо – терпеть не могу! И даже поморщиться нельзя, я ведь без сознания, ничего не чувствую... Жесткие пальцы берут меня за подбородок, поворачивают голову налево, потом направо. Я безвольно, словно кукла, позволяю произвести все эти манипуляции. Увы, похоже, я не была достаточно убедительной куклой.

– Жива, – прогудел Паша и больно дернул меня за ухо. – Жива. Очнулась уже, лежит, нас слушает.

Подавив вздох, я открыла глаза и наконец увидела Пашу. Большой радости мне это, признаюсь сразу, не доставило. Уж больно здоровым оказался этот тип. В честной драке, один на один, против такого бугая мне не выстоять.

– Слушает? – снова дробный топот, и я наконец увидела Костю.

Этот понравился мне гораздо больше Паши. Не в смысле внешности – лицом он, по моему, больше походил на крысу, но общая стать только радовала. Этого задохлика я одной левой уложу, даже если преданный Санек бросится ему на подмогу.

– А пора уже и самой поговорить. – Костя чувствительно двинул мне острым носком ботинка по ребрам. – А ну, вставай!

Если бы не Паша, я бы сейчас сделала быстрый перекат, потом резкое движение ногой... Гошка научил меня паре довольно грязных приемов, которые дают возможность даже из такого малокомфортного положения, даже со связанными руками уронить на пол и слегка потоптать неосторожного противника. Чтобы запомнил – нехорошо это, руки (точнее, ноги) распускать. Чтобы в следующий раз не пинал беззащитных девушек.

Увы, Паша рядом и внимательно за мной наблюдает. Сомневаюсь, что он позволит мне продемонстрировать навыки рукопашного боя без правил. Ладно, будем вести себя по-другому. Тем более кто я сейчас? Частный детектив, конечно, но девушка, причем оказавшаяся здесь случайно, делами этой троицы не интересующаяся и мечтающая только об одном – выбраться из этой квартиры целой и невредимой. Значит, в героев играть нет смысла, надо вести себя так, чтобы убедить Пашу (Костю с Саней, конечно, тоже, но прежде всего Пашу) в собственной беспомощности.

Я дернулась и застонала – Костя ударил меня от души, и притворяться не потребовалось, больно было по-настоящему. Что у него, не только каблуки, но и носки ботинок с подковками?

– Вставай, говорю! – Он снова коротко без замаха пнул меня. Вот скотина!

– Ай! – взвизгнула я и тут же (немного наглости, для достоверности, не помешает) возмутилась: – Больно же! Как я тебе встану, у меня руки связаны! – Я неловко поерзала на полу, демонстрируя невозможность подняться самостоятельно, и добавила, хотя и немного невпопад, но зато абсолютно честно: – У меня голова болит!

Костя оглянулся на Пашу, и тот, хотя и хмыкнул, не скрывая сомнения, сделал пару шагов в мою сторону, наклонился и, ухватив за ворот куртки, поднял с пола и поставил на ноги. Ткань подозрительно затрещала, и я, хотя сначала хотела изобразить немощность и отсутствие координации, торопливо встала на ноги и выпрямилась. Курточка у меня не новая и не самая модная, но покупка новой в этом году в моем персональном бюджете не запланирована.

Поставив меня на ноги, Паша снова скромно отошел за спину главаря, но все так же подозрительно продолжал сверлить меня взглядом. Костя тоже смотрел на меня довольно хмуро. Приятным контрастом с этими двумя была физиономия Санька, присоединившегося к старшим товарищам. Вперед он не лез, маячил на заднем плане, и лицо его ничего, кроме чистого любопытства, не выражало. Понятно, если я и представляю проблему, то искать решение предстоит не ему. Пусть думают те, кто поумнее да посильнее, а он, Санек, человек маленький. Когда велют что сделать – сделает, а пока можно просто понаблюдать. Интересно ведь!

На Санька я долго любоваться не стала, перевела взгляд на Костю. Тот молча чесал в затылке. Впрочем, молчал он недолго.

– Ну, что скажешь?

– Скажу, что вы идиоты, – сорвалось у меня. Немного грубо получилось, но ничего, пока сойдет. Такие типы считают всех женщин дурами по определению, и то, что я частный детектив, дела не меняет. Значит, я вполне могу себе позволить попробовать покачать права. Я старательно нахмурилась, хотя голова от этого заболела еще сильнее, и продолжила сердито: – Вы вообще понимаете, с кем вы связались? Знаете, что с вами со всеми теперь будет?

– А ты что, подружка Джеймса Бонда? – ухмыльнулся в ответ Костя. Нехорошо так ухмыльнулся. Мне стало немного не по себе, тем не менее ответила я достаточно уверенно:

– Вроде того. И я вам, ребята, не завидую. Когда мой напарник до вас доберется, а он доберется, можете не сомневаться, еще сегодня... нет, я вам совсем не завидую.

– Спасибо, что предупредила, – мрачно ответил Паша. – Учтем.

Тьфу ты, глупость какая! Я невольно закусила губу. Мало того что я позволила себя оглушить и скрутить, теперь снова ошиблась, взяла неверный тон в разговоре, дала повод насторожиться. И Гошку подставила, усложнила ему задачу. Конечно, если будет хоть малейший шанс, я постараюсь выпутаться из этой истории самостоятельно, но кто знает, представится ли мне этот шанс. Лучше бы парни считали, что я сама по себе и ни от кого помощи не жду.

Наверное, какая-то часть моих размышлений отразилась на лице, потому что теперь ухмыльнулся Паша и, явно издеваясь, повторил:

– Подружка!

– Ты кто такая? Что тебе нужно? – сердито спросил Костя. Мне показалось или он сердится не только на меня? По крайней мере, взгляд, который он бросил на Пашу, был далеко не ласковым. Ладно, выводов пока делать не будем, но учтем.

– От вас, – выразительно ответила я, – ничего. Я не знаю, кто вы такие, и знать не хочу.

– А чего тогда под дверью караулила? – вылез вперед Санек. Не зря этот парень показался мне туповатым.

– Я не караулила под дверью. Я собиралась позвонить в дверь, а это совсем разные действия. Я доступно объясняю?

Косте мой ответ не понравился. Он шагнул вперед и расчетливо, хлестко ударил меня по щеке. Вот гад, голова и так болит, а теперь даже слезы на глазах выступили!

– Кто ты такая и что ты хотела? Как ты о нас узнала?

– Да не знаю я о вас ничего! – Ой, как нехорошо. Голос дрожит, губы дрожат, и слезы удержать не получается, слезы катятся по щекам... или, может, наоборот, хорошо? Я позволила себе всхлипнуть и жалобно попросила: – Можно я сяду? У меня голова кружится и болит очень сильно. Сядем, и я отвечу на все ваши вопросы.

– Голова болит? – Костя растянул губы в гадкой улыбке, размахнулся и вlepил мне еще одну пощечину. – Пусть болит, быстрее все расскажешь. Но нам, пожалуй, – он оглянулся на Пашу, и тот равнодушно пожал плечами, – нам стоять смысла нет. Веди ее.

Паша взял меня за плечо и толкнул к двери. Черт, как же он крепко ухватился, наверняка теперь синяки останутся. Хотя синяки это ерунда – главное, чтобы он не полез проверять, хорошо ли я связана.

Мы покинули кухню и перешли в комнату. Костя комфортно развалился на мягком диване, Санек хотел было присесть рядом с ним, но передумал и занял тонконогое креслице. Правильно, парень, знай свое место, диван – это для начальства. Пашу тонкости субординации не волновали. Он вытолкнул меня в центр небольшой комнаты и поставил себе стул перед балконной дверью. Интересно, он что, решил так подстраховаться? Опасается, что я могу попробовать сигануть с балкона? Это с третьего этажа да со связанными руками? Впрочем, место Паша занял грамотно – и возможный выход перекрыл, и свободу маневра себе оставил, и меня контролировал. То, что он продолжал курить, откинувшись на спинку стула, дела не меняло. Если я попробую дернуться в сторону балкона, Паша перехватит меня, не бросая сигаретку.

– Продолжаем разговор. – Костя закинул ногу на ногу. – Кто ты такая?

– Да ведь знаете уже, документы видели. – Кивком головы я указала на лежащую на столе неопрятную горку – содержимое моей сумочки кто-то вытряхнул, а обратно сложить не позаботился. – Рощина Маргарита Сергеевна, сотрудник детективного агентства «Шиповник».

– Кто тебя нанял? На кого ты работаешь?

– Вы же не думаете, что я раскрою имя клиента? – тонко улыбнулась я. – Это конфиденциальная информация.

Именно такими словами и с такой улыбкой отвечает на подобные бестактные вопросы Гошка. И у него это всегда звучит достаточно убедительно. А вот я нужного впечатления, судя по всему, не произвела. Очевидно, кроме слов и интонации, имеют значение общие габариты и размер кулаков.

Костя поленился встать с дивана, он небрежно махнул рукой Саньку. Юный негодяй обрадовался, подскочил ко мне и замахал руками, словно нелепая тощая мельница. Костины пощечины были гораздо болезненнее, но терпеть побои от Санька – это еще и обидно. Да я его, даже со связанными руками, в полминуты размажу. А может, попробовать? Хороший удар правой ногой, потом добавить коленом, отшвырнуть в сторону Кости (тот только начнет подниматься с дивана) и, пока они будут распутываться, прыгнуть в сторону балкона... ах да, там же Паша.

– Хватит. – Королевским жестом Костя остановил Санька. Тот врезал мне еще раз и неохотно отошел к своему креслицу. – Так на кого ты работаешь?

Я сердито уставилась на него:

– Какая разница? На человека я работаю, на девушку! И это дело вас совершенно не касается! Она хочет найти парня – его зовут Роман, и он, возможно, живет в этом доме! Вот я и хожу тут по квартирам, Романа ищу! Три подъезда уже обошла, а здесь на вас нарвалась!

Неужели не понятно, что ни вы, ни ваши дела мне не интересны! До фонаря вы мне все, понятно? И самое разумное для вас...

– Так ты, значит, понятия не имеешь, кто мы, и здесь оказалась случайно? – перебил меня Костя.

– Фф-у-у, – громко выдохнула я. – Я вам об этом уже битый час толкую. Я совершенно случайно здесь... – Я выразительно обвела взглядом небольшую комнату и ахнула от неожиданности. Только сейчас я заметила две большие сумки в углу. На одной, сверху, валяется темная вязаная шапочка с прорезями для глаз. А на второй сумке молния расстегнута, и видны небрежно сваленные пачки денег – долларов. Я растерянно посмотрела на Костю, потом на Пашу, на Саньку и снова на Костю. – Это что же... вы что, банк ограбили, что ли?

– А говоришь, ничего про нас не знаешь, – укоризненно ответил Костя. – Так кто тебя на нас навел?

– Вот клянусь! – Я бы прижала руки к груди, если бы они не были связаны у меня за спиной. – Клянусь, я ничего не знала! Я про ограбление даже не слышала!

– Какой же ты тогда сыщик? – неожиданно обиделся Санек. – Весь город третий день на ушах стоит, а она не слышала! Чем у вас в агентстве занимаются?

– Да я две недели кота искала, в офис даже не заглядывала! А сегодня только закончила, даже отчет до конца не дописала, и меня сразу Романа искать отправили!

– И радио ты не слушала, и телевизор не смотрела, – подсказал Паша. – Костя, нет смысла разговаривать, кончать ее надо.

– Не надо меня кончать! – взвизгнула я. Господи, вот ведь влипла-то! Главное, действительно, пока за этим котом проклятым гонялась, новости совсем смотреть перестала! Хотя чем бы они мне помогли, те новости? Никто ведь не сообщал, что в доме девяносто два по улице Ломоносова спрятались бандиты, которые банк ограбили! – Не надо, я... я вам пригожусь еще!

Со страху я заговорила словно щука какая-нибудь, героиня русских народных сказок. Ну как, в чем я могла пригодиться этим отморозкам? Тем не менее Костя со мной согласился:

– Раз уж так вышло... нет, пока убивать ее не стоит. Если ее дружки вдруг сюда заявятся или менты что пронюхают, заложница нам не помешает.

– А если никто не явится? – Паша пустил сигаретный дым в мою сторону. Он не спорил, просто уточнял.

– Тогда продолжим действовать по плану. С проводником я уже договорился, осталось только из города выбраться в объезд милицейских постов.

– Это я вам гарантирую, – уверенно заявил Санек. – Через дачные поселки можно прямо на объездную выскочить, все менты позади останутся. И мы, прямо до Александровска, с ветерком!

Он начал многословно объяснять, как лучше, минуя возможные посты, выехать на объездную дорогу, а я потихоньку попятилась к стене и там сползла на пол.

Сидеть было неудобно, завернутые за спину руки затекли, и болела голова. Но особенно неприятно было то, что эти трое сейчас обсуждали свои планы, не обращая на меня никакого внимания. Значит, отпускать меня они не собираются. Собственно, это стало ясно, как только я увидела маски и деньги. В таких делах свидетели не нужны, нелепо даже надеяться на что-то другое. Пока мы все здесь, в квартире, я еще в относительной безопасности – вот уж не думала, что когда-нибудь буду радоваться уму и предусмотрительности преступника. А ведь радуюсь! Как хорошо, что Костя сообразил – заложник может понадобиться им в любой момент.

Вот только как мне теперь от этих милых, гостеприимных ребят выбраться? Как найти в их планах хотя бы крохотную, незаметную щелочку, в которую я смогу протиснуться и исчезнуть?

Я уже поняла, что бандиты собираются уехать из города на поезде. Садиться на вокзале, когда «весь город на ушах стоит» после ограбления, было бы глупо, поэтому они решили перехватить поезд на одной из коротких остановок, в районном центре, в Александровске. С вокзала поезд отправляется в двадцать три двенадцать, до Александровска идет минут сорок, значит, они должны быть на станции без десяти двенадцать.

– Стоянка две минуты, мы запрыгиваем в последний вагон и тю-тю! – потер руки Костя. – Пусть менты нас в городе ищут!

– За проводником присмотреть надо, – хмуро заметил Паша. – Мало ли... чтобы ему никакие глупости в голову не пришли.

– Это я и сам сообразил. Только ехать, за ним присматривать, тебе придется.

Паша молча кивнул, и я машинально тоже. Все правильно – Санька посылать нельзя, он знает, как из города на машине выбраться. Да и если вдруг проблемы с проводником возникнут, Паша сумеет их решить наиболее эффективно.

– А с этой что будем делать? – не глядя на меня, спросил Санек. – Ладно, пока она заложница, это я понимаю. Но нам через три часа уходить надо, что тогда?

– Что ты предлагаешь? – мрачно поинтересовался Паша.

– Так я уже говорил, пристрелить ее, и все дела!

– Пристрелить несложно. Потом что?

– Ничего, – немного растерялся Санек. – Не хоронить же ее. Здесь бросим.

– Ага, вот мой братан обрадуется, когда из отпуска вернется! Он мне не для того ключи от хаты оставлял, чтобы я ему сюда дохлых девок подбрасывал.

Ситуация складывается не слишком приятная. И чего у этого Санька руки чешутся от меня избавиться? Хорошо еще, что Паша с Костей решили подождать. Всего три часа подождать, но хоть какой-то запас времени у меня теперь есть.

– Не обязательно здесь оставлять, – примирительно заговорил Костя. – Можно отвезти ее куда-нибудь, мало ли в городе пустырей. Или на стройку какую-нибудь.

– На чем? На нашей машине?

– Почему на нашей? На ее. Вон ключи лежат, значит, она не пешком пришла. – Костя повернулся ко мне и спросил: – Я правильно говорю? Где ты машину оставила?

– На улице, – неохотно ответила я. Пусть думают, что идея использовать мою машину очень меня огорчает. Сами они никогда не догадаются, что в «москвиче» установлен маячок, а я об этом говорить, естественно, не собираюсь.

– Годится. – Паша выудил из кучки моих вещей ключи, потом достал из обложки с моими правами документы на машину и небрежно распахнул все по карманам. – Я местечко подходящее знаю, глухое.

– Далеко?

– Не, минут десять отсюда. Стройка большая, сто лет заброшенная. Там ее и пристрелю. Не буду тут пачкать.

– Вот и ладно. – С точки зрения Кости, все складывалось прекрасно. – Выезжаем в десять: мы с Саньком в Александровск, а ты с девкой. Разберешься с ней – и на вокзал, времени хватит. А пока...

Его прервал телефонный звонок. Звонил мой мобильник. Все правильно, это Гоша начал волноваться.

Почему-то звонок удивил мужчин. Казалось бы, что может быть естественней – если на столе лежит телефон, то рано или поздно он зазвонит. Но эти трое смотрели на мой сотовый так, словно ничего подобного в жизни не видели. Наконец Паша протянул руку.

– Гоша, – прочел он и перевел взгляд на меня. – Кто такой?

– Приятель. – Мой голос прозвучал хорошо: в меру нервно, в меру испуганно и в целом довольно правдиво.

Телефон замолчал, и Санек шумно перевел дыхание.

– Вот черт. – Он вскочил с кресла и зачем-то выглянул в окно. Потом подошел к Паше и попросил: – Дай посмотреть.

Повертел аппарат, зачем-то покачал его на ладони, словно взвешивая, и брезгливо скринулся:

– Старье. Слышь, ты, частный сыщик, я думал, у вас техника покруче должна быть.

– Это же не шпионская аппаратура, – пожала плечами я. – Обычный телефон. Звонить можно, а больше от него никто ничего не требует.

Я сказала неправду. Телефончик, на вид неброский, был напичкан самой полезной техникой. Видеокамера, диктофон, передатчик, выход в Интернет – это самое простое. Но не рассказывать же эти подробности бандитам.

Сотовый снова затрезвонил, и Санек вздрогнув от неожиданности, бросил его на диван, рядом с Костей.

– Какой настырный этот твой приятель, – удивился Костя. – Что, он теперь так и будет звонить?

– Наверное. Давайте я отвечу. На помощь звать не буду, обещаю.

– Нет уж, не стоит. Лучше мы сделаем так. – Он нажал кнопку выключения. – Так твой приятель вернее поймет, что ты с ним разговаривать не хочешь. Мало ли какие дела могут быть у девушки!

Костя откинулся на спинку дивана и заржал. Ну и чувство юмора у этого уголовника! Мне вот, например, совсем не смешно. Хотя и не настолько грустно, насколько я постаралась изобразить.

Санек, подобострастно подхихикнув главарию, протянул руку:

– Дай мне. – Он взял мобильник и, открыв заднюю крышку, достал аккумулятор. – Я в кино видел, у шпионов даже выключенные телефоны работают.

– Как работают? – небрежно спросил Паша.

– Это я не помню, – признался Санек. – Но батарейку всегда надо вынимать.

– Глупости. Это же не суперагент, а шушера мелкая. И телефон у нее самый обычный.

– Телефон обычный, – согласился Костя, – но лучше подстраховаться. Санек, ты сим-карту тоже вынь, на всякий случай.

Я низко опустила голову, опасаясь, что не смогу сдержать улыбку и бандиты заметят ее. А проявлять веселье с моей стороны, сами понимаете, в такой ситуации несколько неуместно. Хотя на самом деле все идет неплохо.

Они вынули из сотового сим-карту и аккумулятор? Да на здоровье! Могут вообще весь телефон на мелкие кусочки разобрать! Главное, что напарник сигнал получил – после того как я не ответила на его звонок, а потом и вовсе отключила телефон, Гошка минутки лишней не потеряет, помчится прямо сюда! Пусть он потом прорабатывает меня хоть две недели, хоть два месяца! Только бы помог выбраться! Вот только время... я приподняла голову и осторожно покосилась на часы.

В десять бандиты покинут квартиру, и, если Гошка до тех пор не появится, хмурый Паша повезет меня на какую-то заброшенную стройку. Печальная перспектива. Но не безысходная.

Поскольку с бесчувственным телом, а тем более с трупом, Паша таскаться явно не собирается, значит, до машины я пойду своими ногами. Подъезд, двор, улица – если мой конвоир хоть на мгновение расслабится, у меня появится шанс освободиться. Чтобы достать пилку из пояса, мне нужно не больше секунды, и еще пара мгновений, чтобы освободить руки. А если этих секунд у меня не будет, ничего – есть ведь еще дорога и та самая заброшенная стройка. В машине мне уже никто не мешает избавиться от веревок, так что Пашу,

собирающегося незатейливо пристрелить связанную беззащитную девушку, ожидает неприятный сюрприз.

Тем не менее очень хочется надеяться, что Гоша успеет раньше.

Костя неожиданно заинтересовался моей сумочкой – не вставая с дивана, дотянулся до ремешка и дернул на себя. Сначала просто заглянул внутрь, потом перевернул, потряс и методично обшарил многочисленные кармашки.

– Пусто там, – заверил его Санек, – я проверил. Вот, здесь все, что у нее в сумке было.

Он указал на стол, где мои вещи, и Костя на этот раз не поленился, встал.

– Что тут у нас имеется? Ага, документы, это мы уже видели, кошелек... – Не открывая, он взвесил кошелек на ладони. – А не жирно у тебя там, сыщица. На сотню баксов наберется, нет?

Поверите ли, именно в этот момент мне вдруг стало страшно. Когда я заходила в квартиру – ладно, когда я заходила, я не боялась, потому что не знала, чем это обернется. Но когда пришла в себя, когда поняла, что связана, когда выяснилось, что я у настоящих, реальных бандитов, и даже, когда они вели отвратительные разговоры на тему «как избавиться от Риты Рощиной», настоящего страха не было. Неприятно было, злость была – на себя, на этих бандитов и на всю эту совершенно нелепую ситуацию. Сосредоточенность, решимость переиграть подонков, вырваться на свободу – это было. Но не страх.

Настоящий, липкий ужас я почувствовала – почему-то только сейчас, когда Костя неторопливо перебирал мои вещи. Нет, так нельзя, надо немедленно взять себя в руки! Взять себя в руки, собраться, отмотобилизоваться, сосредоточиться, сказать что-нибудь невыносимо язвительное... Это что, это у меня в кошельке тысячи баксов не наберется? Какая наглость! Сейчас я ему... то есть долларов я действительно с собой не ношу, зачем? А тысячу долларов перевести в рубли, это будет... господи, я понятия не имею, сколько это будет, я просто не могу умножить! Ладно, пусть, для простоты, курс будет тридцать рублей за доллар, значит, умножить тридцать на тысячу... да что же это! Страх страхом, в той ситуации, что я сейчас нахожусь, я имею полное право бояться, но не до полного же идиотизма! Не до потери элементарных навыков устного счета!

Я разозлилась, и это помогло мне прийти в себя. Тридцать тысяч рублей, вот так! Тысяча долларов, это будет тридцать тысяч рублей, вы поняли!

Пока я занималась своими переживаниями, Костя вытряхнул из кошелька деньги и засмеялся, довольный:

– Что я говорил? Мелочовка. Санек, возьми, машину заправишь. – Он бросил пустой кошелек на стол и продолжил ворошить вещи. – Так, что тут еще? Рулетка, ручка, блокнот... а что в блокноте? Ничего интересного. Калькулятор. Слушай, зачем тебе калькулятор, в телефоне же есть? Даже в твоём чуде техники, или ты не знала?

Санек радостно заржал, хмурый Паша тоже слегка улыбнулся. Я промолчала, но Косте было достаточно и реакции подельников. Он взял фонарик и нажал на кнопку.

– Ты смотри, как хорошо светит! Это я, пожалуй, себе возьму. На память о тебе, красотка. Не возражаешь?

Санек снова заржал, а я с трудом разлепила губы:

– На здоровье.

Гораздо логичнее было бы сказать: «Подавись». Увы, хорошее настроение Кости мне на руку. Одним неосторожным словом я могу это настроение испортить, а мужики, несмотря на внешнее спокойствие, сейчас на нервах. И мне совсем не нужно будить в них агрессию.

– Интересно, – глубокомысленно заметил Костя, – фонарик есть, а зеркальца и губной помады нет. Даже расчески... а, нет, расческа имеется.

– Жрать охота, – неожиданно выступил Санек.

– На кухне батон лежит, – ответил Паша. – И банка морской капусты... кажется.

– Во, блин! С нашими деньгами – и морская капуста! Сейчас бы в ресторан! В этот... в «Арагви»! Слышь, Паша, ты хочешь в «Арагви»?

– Нам главное на нарах не оказаться. С нашими деньгами. – Паша встал, загасил окуроч в блюдечке, стоявшем на подоконнике, и приоткрыл балконную дверь. Сделал несколько глубоких вдохов, закрыл дверь и снова закурил.

– Это верно, – поддержал Пашу Костя. – Но есть хочется. Тащи, что ли, сюда батон, пожую. И чаю сделай.

Санек послушно встал и пошел на кухню, но, едва не споткнувшись о мои ноги, остановился:

– А чего это я? Пусть она пошустрит там на кухне, может, чего-нибудь получше хлеба с чаем сообразит? И накроет красиво, как в ресторане?

– В «Арагви», – буркнул Паша. – Со связанными руками она тебе много не насообразит. А развязывать... можно, конечно, но в случае чего сам ее успокаивать будешь.

Санек посмотрел на меня, недовольно дернул кончиком носа:

– Не, пусть сидит. А то я в кино тоже видел, одна такая пошла чай готовить и отравы сыпанула. А? Правильно я говорю? – спросил он уже у меня. – Насыплешь отравы?

– Не насыплю. Отравы с собой нет.

– Вот разве что!

Оставив последнее слово за собой, Санек убрался на кухню. Через несколько минут он вернулся с подносом, на котором горкой были свалены толсто нарезанные ломти батона. На том же подносе стояли три кружки с горячим чаем. Я сглотнула слюну.

– Чай сладкий, – объявил Санек, опуская поднос на стол. – Налетай, братва!

Братва налетела. Костя взял кружку, два куса батона и вернулся на диван. Паша аккуратно поплевал на кончик сигареты, положил ее к окуркам, на блюдечко, и подсел к столу. Санек тоже придвинул свое креслице. В мою сторону никто даже не посмотрел.

Первое время они жевали молча, потом Саня отхлебнул из чашки и пожаловался:

– Все чай да чай. Эх, водочки бы сейчас!

– Выберемся из города – получишь свою долю, будет тебе и водочка, – добродушно пообещал Костя.

– Это точно, – подхватил Санек, широко улыбаясь. – Вот уж когда я отпущу душеньку свою на волю, вот уж когда погуляю!

– А вы разве деньги еще не разделили? – живо заинтересовалась я. – Но хотя бы уже пересчитали все, договорились? Сколько у вас на брата приходится?

– Не твое дело, – огрызнулся Костя. – Твоей доли тут нет.

– Значит, поровну делить не собираетесь. – Не то чтобы я всерьез рассчитывала поссорить бандитов, но попробовать стоило. – Пахану – сколько захочет, остальным – что останется.

– Закрой рот, – лениво посоветовал Паша. – Знаем мы эти штучки.

– А что такое? – простодушно удивилась я. – Вы с Костей решили, что основная денежка в ваш карман должна упасть? Санек, ты у них на минималке сидишь? Или у тебя вообще почасовая оплата?

– Заткнись, я сказал! – рявкнул Костя. А Паша поднялся и шагнул ко мне. И когда у него в руке оказался рулон широкого скотча? Я не заметила. Но через мгновение я могла только возмущенно хлопать глазами – рот мой был заклеен липкой лентой.

– Вот так. – Паша удовлетворенно отряхнул руки и вернулся за стол.

Нахохлившийся Санек встревоженно спросил:

– А я не понял, чего это она про минималку сказала?

– Не обращай внимания. – Костя бросил в мою сторону злой взгляд. – Эта тварь стравить нас хочет. Ты что, никогда такое в кино не видел?

– Вот и пусть теперь сидит, с заклеенным ртом! – мстительно порадовался Санек.

А ведь как хорошо начинался сегодняшний день! Впереди новое дело – не особо увлекательное, но это даже приятно. Персидские коты и их хозяйки за последние две недели изрядно потрепали мне нервы. Немного рутинной работы для разнообразия совсем не плохо – так я думала. А что получилось? На затылке шишка, руки связаны, рот заклеен скотчем, и заброшенная стройка в ближайшей перспективе – это, по-вашему, рутина?

Я осторожно покосилась на большие настенные часы над диваном. Без пятнадцати девять. Как время летит! Кажется, Гошка звонил совсем недавно, а вот, пожалуйста, прошло почти два часа. Странно, что он до сих пор никак не дал о себе знать. Наверняка напарник где-то рядом... неужели он до сих пор не определил, в какой квартире я застряла? Стандартная схема движения при поквартирном опросе ему известна, и если Гошка до сих пор не ломится в дверь, значит, у него есть на то причины.

Я снова посмотрела на часы. Мое «великое сидение» закончится только через час – для напарника этого времени более чем достаточно. На этот раз Паша заметил мой взгляд.

– Что, Джеймса Бонда своего ждешь?

Принять вид независимый и равнодушный, когда ты в нелепой позе сидишь на полу, а физиономию украшает кусок отвратительной липкой ленты, очень непросто, поэтому я не уверена, что мне удалось изобразить независимость и равнодушие достаточно убедительно.

– Напрасно ждешь, – усмехнулся Паша. – Даже если он и успеет тебя найти... – Он не договорил, встал со стула и потянулся. – Что, будем собираться потихоньку?

– Пожалуй, – согласился Костя. – Санек, просыпайся!

– А? – встрепенулся задремавший Санек. – Что, пора?

Я начала немного нервничать. Парни неторопливо собирались, перебрасываясь незатейливыми шуточками, неторопливо оделись, неторопливо подтащили сумки с деньгами к дверям... а Гошки все не было!

– Поможешь к машине спуститься? – Санек поднял одну из сумок, выжал ее над головой, словно большую неудобную гиру.

Я затаила дыхание. Давайте, ребятки, давайте, забирайте свои вещички и двигайте к машине! Я ведь связана, меня вполне можно оставить на десять минут без присмотра! Ну что я сделаю за это время? Даже на помощь позвать не смогу – рот заклеен! Десять минут много? Хорошо, пожалуйста, пусть будет пять... да мне и двух минут хватит, только оставьте меня одну!

– Сами справитесь, – равнодушно откликнулся Паша. – Мне и так работы хватит.

Косте его слова показались очень смешными, его жизнерадостное ржание было слышно даже после того, как они с Саньком вышли из квартиры. Почему он вдруг так развеселился, я не поняла. Мне лично было совсем не смешно. Паше, похоже, тоже – он даже не улыбнулся. Молча дождался, когда за подельниками захлопнется дверь, закурил очередную сигарету, подымил пару минут, глядя на меня... нет, скорее сквозь меня. По крайней мере, было четкое ощущение, что, погруженный в свои мысли, конкретно меня, Риту Рошину, он сейчас перед собой не видит.

О чем он думает? Может, о том, что банки грабить – это одно, это весело, прибыльно и даже в некотором роде почетно, а девушек убивать – совсем другое дело?

Паша моргнул:

– Ну что, подружка, пора и нам собираться.

Он взял со стола сумочку, сгреб в нее мои вещи и сунул за пазуху. Потом встал, подошел ко мне и одним резким движением сорвал скотч. Я вскрикнула и тут же прикусила язык, увидев покачивающийся перед лицом пистолет.

– Правильно, лучше молчи, – похвалил меня Паша. Потом взял за шиворот и рывком поставил на ноги. Я слегка качнулась и, разминаясь, переступила с ноги на ногу.

Паша, продолжая придерживать меня левой рукой за воротник куртки, снова показал пистолет:

– И не вздумай дергаться. Попробуешь вырваться – пристрелю сразу, никуда не повезу. Здесь, за домом, тоже помойка есть.

Несильным толчком он направил меня к дверям. На пороге я остановилась, оглянулась на часы – пять минут одиннадцатого. Где же Гошка?

По лестнице мы спустились почти как влюбленные, в обнимку. Я двигалась аккуратно, шаг в шаг с Пашей, старательно демонстрируя, что не пытаюсь дергаться. Ствол пистолета, прижатый к боку, гарантировал полное мое послушание и готовность к сотрудничеству. Я даже не стала вертеть головой, когда мы вышли из подъезда, хотя очень хотелось убедиться – Гошка где-то рядом и сейчас подаст мне знак, что видит, в каком неприятном положении я оказалась.

Но оглядываться по сторонам я побоялась. Кто его знает, этого Пашу? На первый взгляд нервы у него крепкие, но лучше не рисковать. Вдруг ему что померещится или палец дрогнет – пальнет еще. А помоек в нашем городе хватает, это он правильно заметил.

Паша остановился и придержал меня за плечо:

– Ну и где твоя тачка?

– На улице, у соседнего дома.

То, что нужно покинуть пустой двор, Паше явно не понравилось. Он покрепче ухватил меня за плечо и выразительно ткнул пистолетом в бок:

– Пошли. И смотри не балуй.

На улице я кивнула в сторону машины, скромно припаркованной в сторонке:

– Вон, «москвич» стоит.

– Синий? – уточнил он, на мгновение отпуская мое плечо, чтобы вынуть ключи. Воспользоваться этой короткой свободой я, увы, не могла, поскольку ключи Паша доставал левой рукой. В правой по-прежнему был пистолет, упирившийся мне в бок. Тем не менее, когда мы подошли к машине, Паша еще раз предупредил меня:

– Без фокусов! Я сейчас открою дверцу, и ты медленно – поняла? – медленно, без резких движений, ложишься на пол перед задними сиденьями.

– Еще чего, – слабо возразила я. – На полу грязно, и неудобно это.

– Опять разговорила. – И откуда у него в руках снова появился скотч? Я пикнуть не успела, как липкая лента запечатала мне рот.

– Лезь в машину. – Пистолет больно надавил на ребра. – А то я ведь и сейчас могу пальнуть. Улица пустая, никто не услышит. Если хочешь, оглянись, удостоверься.

Я, разумеется, воспользовалась разрешением и торопливо завертела головой. Действительно, никого. Где же Гошка? Ничего не понимаю! Паша снова толкнул меня, и я машинально протиснулась в неудобную щель. Послушно поджала ноги, чтобы закрылась дверца, поерзала, устраиваясь поудобнее. Нет, что происходит? Мне что, нужно рассчитывать только на себя?

Ладно, пусть так. Но предупреждаю: потом, когда все это закончится, я не позволю Гошке на себя орать. Мы еще посмотрим, кто кому воспитательную выволочку устроит. Я ему все выскажу, не постесняюсь. Уж я ему объясню... В общем, я снова начала злиться, и это было самое подходящее время. Дрожь в руках и замутившиеся от слез глаза мне сейчас не помогут, а вот злая сосредоточенность будет как раз к месту. Где там моя любимая пилка?

Я так разозлилась на напарника, что почти забыла про Пашу. А он устроился за рулем, достал из-за пазухи мою сумочку и бросил ее куда-то на пол. Потом завел мотор и, не оглядываясь, спросил насмешливо:

– Ну, где твой Джеймс Бонд, подружка? – и резко рванул «москвич» с места. Я едва не уронила пилку, которую успела достать. Какой все-таки гад этот Паша. И шутки у него идиотские.

Закусив губу, я аккуратно прижала острое лезвие к веревке, которая все еще обматывала мои запястья. Пусть у меня связаны руки, пусть я лежу в неудобной позе на полу собственной машины – это еще не поражение. Я спокойна, сосредоточенна, и у меня есть четкий и абсолютно реальный план действий. Сдаваться на милость Паши и позволять пристрелить себя на какой-то неведомой мне помойке я не собираюсь. Но если честно...

Если честно, знай я, что, как только Паша выехал со двора, из-за угла вывернула старенькая темная «Нива» и пристроилась следом за нашим «москвичом», на душе у меня было бы гораздо спокойнее!

Паша, насвистывая, вел машину. Свистел он очень хорошо, музыкально, мелодию выводил незнакомую, но очень красивую. Ему бы не банки грабить, а на эстраде выступать – наверняка было бы и доходнее, и безопаснее. Хотя... судя по скандальным историям, что регулярно выплескиваются на ни в чем не повинную публику, в шоу-бизнесе нравы тоже далеко не вегетарианские. Вполне возможно, что в бандитах оно поспокойнее будет.

Впрочем, раздумывать о Паше мне сейчас было некогда. Свистит он, и пусть свистит, главное, чтобы на меня не оглядывался. А мне делом надо заниматься, веревку пилить. Пришлось довольно неудобно изогнуться, так что голова почти вошла под переднее пассажирское сиденье, а на левое бедро больно давила какая-то железка, торчавшая из кресла. И что это за дрянь такая? Когда все закончится, первым делом оторву и выкину эту пакость!

Из-за неудобной позы мне пришлось терзать веревку, стягивающую запястья, немного дольше, чем я рассчитывала, но особых сложностей не возникло. Уже минут через пять я стряхнула на пол разломаченные куски. Потом осторожно, стараясь не привлекать внимания Паши, вытащила голову из-под сиденья и медленно развернулась. Проклятая железка теперь давила на правое бедро. Ничего, потерплю. Главное, что руки свободны.

Я лежала, скорчившись на полу, растирала запястья и сосредоточенно думала, как действовать дальше. Когда мы прибудем на место, Паша выйдет из машины и, чтобы я тоже смогла выбраться наружу, откроет мне дверцу... какую дверцу он откроет? Правильно, ту же, что открывал, когда сажал меня в машину, левую заднюю. Почему не правую? Очень просто – выбираться из машины головой вперед неудобно, значит, я буду делать это гораздо дольше, а Паша торопится. Кроме того, чтобы подойти к правой задней дверце, ему нужно обойти машину, а зачем Паше трудиться, лишние шаги делать?

Я еще немного повернулась, попробовала опереться на руки и слегка приподнялась. Очень хорошо. Потом выпрямила ноги и уперлась подошвами ботинок в дверцу – напряглась, расслабилась, снова напряглась... Делая эту нехитрую гимнастику, я одновременно пыталась разглядеть что-нибудь в темном окне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.